

ОБ ОБЛЕДЕНЕНИИ И ЖАРЕ СЦЕНЫ

ГЛАВНЫЙ режиссер Московского академического театра имени Владимира Маяковского Николай Охлопков — не только один из самых смелых режиссеров — экспериментаторов сцены, но и сам блестящий актер театра и кино. Его театр всегда славился «лица необщим выражением», решениями оригинальными и остро современными.

В беседе с корреспондентами АПН Борисом Головко и Александром Байгушевым режиссер делится своими творческими раздумьями.

ШУТКА ЧКАЛОВА

Когда я думаю о поисках, идущих в современном театре, мне порой приходит на память разговор с легендарным летчиком Валерием Чкаловым. Речь тогда шла о дознаниях и мужестве в искусстве.

— Чего вам, актерам, бояться? Разве что в оркестр можете свалиться? — шутит Чкалов. — А если говорить о переживаниях, то что может сравниться с переживаниями бортмеханика в самолете, летящем над полюсом и видящим, что началось обледенение. Вы понимаете, что такое обледенение?

Мне кажется, я понимал это.

Я ответил ему, что актеру, выходящему на тысячную аудиторию зрителей, нужны немалое мужество и воля. И что опасность своеобразного внутреннего «обледенения» тоже не раз встает перед ним.

Мы шутили, но в шутке была доля серьезного.

ЧТО Я ПОНИМАЮ ПОД «ОБЛЕДЕНЕНИЕМ»

Ни один художник не создает настоящего шедевра, если будет творить равнодушно, спокойно, без жара в душе. Никакая техника, никакие знания правил не заменят душевного огня, страсти, творческого темперамента: в этих качествах — созидательное начало. Я видел знаменитого дирижера: окончив выступление, он весь менялся, был страшно бледен, как будто сила, которая вдохновила его в момент творчества, в то же время испепелила его. Писатель, создавший шедевр, отдает процессу «писания» столько душевых сил, что нередко

закончив свой труд, переживает душевный кризис: так Оноре де Бальзак, описав смерть отца Горио, потерял сознание. Его нашли лежащим без чувств около письменного стола.

Горький, описывая в одном из рассказов удар ножом, сам испытал боль в том месте, куда был нанесен описанный им удар. Жена прибежавшая на крик, увидела красную полосу, как будто след от невидимого удара.

Это — сила чувств, фантазии. Это — творческое переживание.

Как же может актер творить без этих качеств, без душевного творческого огня? Только — «правильно», только «правдиво», но без всякой самоотдачи? Нет, это не искусство и тем более, это не театр. Для искусства театра особенно важно зажечь в зрителе ответный огонь, пробудить в нем творческую фантазию, «заразить» зрителя своими чувствами и мыслями. Если актер не сумеет это сделать — он зря пришел на сцену.

Не верю в актера, который, сыграв Ричарда Третьего, заявляет, что сейчас же в силах начать играть эту роль снова. Не верю потому, что считаю подлинность темперамента одним из краеугольных камней, которые не заменишь ничем, сколько бы веков ни простоял театр.

ПЕРЕЖИВАНИЕ ТВОРЧЕСКОЕ И ЖИЗНЕННОЕ

Однако, воюя с холодностью в актерской игре, я не зову актера к натуралистической правде переживания.

Никогда не надо отождествлять жизненное и творческое переживания.

Правда жизненная и правда искусства — не адекватны, хотя и рождаются одна из другой. Играя в фильме о Ленине, поставленном Михаилом Роммом, рабочего Василия, который падает в голодный обморок, я решил быть предельно правдивым: голодал перед съемкой несколько дней. Режиссер и оператор были в смущении. Несколько раз прерывали съемку и, наконец, честно сказали, что я перенигрываю. Я пошел в буфет, позавтракал и только после этого, по общему мнению, сыграл голодный обморок правдиво.

Дело в том, что будучи действительно голодным и близким от голода к обморочному состоянию, я потерял волю, не было у меня сил сконцентрироваться, сорваться. Я был натурально голоден, но я был вне искусства.

Вообще натурализм чужд сцене. Он так же фальшив, как наигрыш: это подмена одного чувства другим. Обманывает внешняя похожесть: но ее разоблачают знаки искренности в искусстве.

Юношой я играл Чарли в «Потопе» — пьесе Бергера, шедшей в Иркутске. Как полагалось по сюжету, я спускался в трюм и потом, со словами «там внизу трупы», выбегал на сцену и падал в обморок. Товарищи внушили мне, что для настоящего эффекта, для того, чтобы мой ужас был естественным, достаточно представить себе, что случилось несчастье с самым близким человеком и мысленно увидеть его труп. Это тоже был не творческий ход. В те дни я на своем опыте понял, что актер может учить опыт своих жизненных переживаний, но только как основу для творческих чувств: на сцене актеры во власти переживаний творческих. Перевоплощение должно быть изначальным. Ты перевоплощаешься в своего героя, ты живешь на сцене его жизнью, в которой есть и вымысел и правда; его чувства сложны — это чувства сценического образа.

Андрей Абрикосов после спектакля «Отелло» говорил мне как-то раз:

— Мне сегодня очень удалилась сцена убийства. Я знал, что живу чувствами Отелло, что должен совершить суд над Дездемоной, я страдал по-настоящему. Как это хорошо, как я счастлив!

Видите, какая сложность в истинных сценических переживаниях: актер испытывал на сцене страшные чувства — а он счастлив, вместо того, чтобы ужасаться! В жизни он пришел бы в ужас от подобных воспоминаний. На

сцене он испытывает творческий подъем: сыграв трагедийную сцену в полную силу, отдав ей много душевых эмоций, он получает внутреннее творческое удовлетворение.

И теперь я возвращаюсь к вопросу холодности актера на сцене. Почему меня так разочаровал актер, готовый в тот же самый вечер повторить на сцене жизнь Ричарда Третьего? Да потому, что он не затратил на нее душевых сил, он не пережил творчески свое создание. Он продемонстрировал, «показал» свое умение, это было холодное искусство. Он мог повторить все это съезнова.

АКТЕР НА СЦЕНЕ НЕ ОДИН

Актер на сцене не один; театр — искусство синтетическое, в котором сопрягаются силы многих искусств. Оттого не только актер отвечает за холод, идущий порой со сцены, и за ползучий натурализм, от которого идут и скуча, и холод. Это — разговор большой. Я остановлюсь лишь на проблеме декораций.

Некий великий автор книги по теории актерской игры утверждал, что на сцене даже декорации должны быть настоящие. Этого, конечно, не надо. Это противоречит той условности, тому образному началу, которое определяет само существование искусства. Не надо, чтобы декорации были «всамделенные». Надо, чтобы они подсказывали, «как играть», чтобы они помогали актеру, пробуждали его фантазию. И помогали зрителю, давая простор его воображению, — тому зрительскому сопротворчеству, без которого нет театра.

Значение и воздействие театрального оформления очень велики. Неудачные, неверно найденные, лишенные образности декорации могут погубить хорошее исполнение актера, могут заглушить мысль. Однажды замечательную пьесу Леонида Леонова «Золотая карета», где образы были обобщены и заострены до символа, поставили в декорациях бытовых, дотошно подробных, весьма похожих на точную фотографию жилой коммунальной квартиры. Острота и поэтичность пьесы были «погашены» сразу.

Но условность оформления — искусство тонкое.

Я видел в «Отелло» талантливого английского актера Джона Гилгуда. Актер пластичен, музикален, тонок. Но в этой роли он буквально продирался сквозь декорации художника-формалиста, он изнемогал в борьбе и уже изнемогший входил в образ. Художник не помогал

ему: он душил его живую мысль, его творчество. Границы искусства неповторимы и тонки, их легко переступить, если теряешь меру условности, если вместе с нехарacterными выплеснуто главное. Так сделал художник. О нет, я ни в коей мере не упрекаю его за выбор очень условного декорационного решения. Я упрекаю его за то, что выбранный им условностью он перекрыл правду сцены сам и отнял ее у актера. Он мешал актеру, своей холодностью.

И актеру уже не помогла обжигающая реакция зрителя — то извечное ощущение дыхания зрительного зала, что способно воспламенить и увлечь актерскую душу.

Магия театра... Как заботливо надо беречь ее от холода. Это страна чудес, а всякая страна чудес рождается теплотой человеческого сердца и исчезает, когда сердце чрезвивает.

Я видел «Гадибун», поставленный Вахтанговым, — сцена слышалася жар, идущий со сцены.

Есть старая актерская шутка о том, что актеры должны «жечь подмостки» накалом своей игры. Я люблю театр и верю в правду этой шутки.

Николай ОХЛОПКОВ.
Народный артист СССР.
(АПН).

о — 24-86: зам. редактора — 30-14: отв. секретаря — 74-5-77: секретаря — 23-14: 74-5-75: советского строительства и быта — 74-5-76: писем

рафия «Труд» областного управления по печати. Орел, улица им. .

Орловская правда
г. Орел

1 ОКТ 1964